

S. A. Kan. Symbolic Immortality. The Tlingit Potlach of the Nineteenth Century. Washington; London, 1990. 390 p.

Монография американского профессора С.А. Кана «Символическое бессмертие. Тлинкитский потлач девятнадцатого века» посвящена, казалось бы, уже хорошо известному культурному явлению — тлинкитскому потлачу¹. Тем не менее автор убедительно доказывает, что отнюдь не все проблемы этой темы изучены в должной мере. Отметим, что само исследование выходит далеко за рамки названия, поскольку в монографии рассматриваются не только потлач, но и погребальные обряды в целом (погребальный комплекс), а также различные аспекты духовной культуры тлинкитов. При этом потлач был важнейшей завершающей частью похоронно-поминального цикла.

Интерес к потлачу не случаен. Он занимал одно из центральных мест в жизни традиционного тлинкитского общества, являясь одним из наиболее устойчивых и консервативных аспектов индейской культуры. Именно на нем происходила передача важнейшей этнокультурной информации, усваивались идентификация личности и ее статус, место родовой группы в системе родовой иерархии. С. А. Кан подчеркивает, что в отличие от большинства других исследователей он рассматривает потлач не только как обмен материальными дарами, но и как церемонию по демонстрации и передаче «символического наследия» — легенд, песен, имен и т. д. (с. 7—12). Характеристика потлача будет неполной, считает он, если не принять во внимание психологические моменты: горе, любовь, гнев, страх и другие эмоции могли оказывать значительное влияние на поведение участников церемонии и мотивировать многие их поступки (с. 16).

Пытаясь реконструировать тлинкитский потлач XIX в., автор использовал большое количество русских и американских этнографических, исторических и архивных материалов, критически проанализировал новейшие теоретические работы и выводы своих предшественников, а также активно привлекал собственные полевые данные, собранные им в 1979—1987 гг. (С. А. Кан был даже принят тлинкитами в род катвантан и лично принимал участие в поминальном потлаче).

Во Введении автор пишет, что общество, сталкиваясь с таким природным явлением как смерть, стремится преодолеть его путем обращения к религиозным концепциям или мощной идеологической системе. Такие попытки преодолеть биологический конец человеческой жизни и дать возможность хотя бы «духовного возрождения» путем проведения специальных ритуалов Р. Дж. Лифтон назвал «символическим бессмертием» (с. 15). Религиозные предписания, обряды и табу тлинкитского похоронного цикла как раз были призваны обеспечить вечный «круговорот души», ее «символическое бессмертие», что основывалось на вере индейцев в возможность повторного вселения души умершего человека в его новорожденного сородича.

В одной из первых глав монографии С. А. Кан рассматривает представления тлинкитов о человеческом теле и его взаимосвязи с душой (эта сторона духовной культуры тлинкитов совершенно ускользала от внимания советских этнографов). Психофизические и анатомические знания и представления занимали весьма значительное место в индейском мировоззрении. Так, телесную целостность символизировали восемь основных костей рук и ног; они считались тесно связанными с жизнью, рождением, ритуальной чистотой, сверхъестественной силой. Не случайно опорные столбы зимнего дома тлинкитов — а это было средоточие их Вселенной — уподоблялись восьми костям человеческого тела. Другим важным атрибутом живого организма признавалось дыхание, соотносящееся с жизненной силой и одной из ипостасей души человека. Последний, согласно тлинкитским поверьям, мог обладать одновременно несколькими душами, составлявшими в целом его духовную суть (см. с. 51—63).

Специальная глава монографии посвящена анализу коллективных представлений тлинкитов о духовной сущности матрилинейного рода, что находило свое отражение в таком сложном понятии как *шагун* (этот сюжет также практически не затрагивался в советских исследованиях). Шагун — это вера в единство рода, его происхождение, судьбу; этим же термином обозначались предки и тотемы. С. А. Кан полагает, что шагун — это некая абстрактная высшая сила, персонифицированный коллектив милостивых духов предков. С ним индейцы связывали личную и общественную удачу, успех, добро. Несомненная связь шагуна с тотемизмом: самой большой ценностью и символом рода были изображения тотемов (с. 65—74).

Немало места уделит автор показу роли родовой знати в погребальных обрядах (см. с. 12, 35, 77—102 и др.). Аристократ с точки зрения тлинкитов был идеальной личностью, поддерживающей свою телесную и духовную «чистоту» с помощью различных постов, обрядов и табу. В тлинкитском обществе рабы и люди низкого статуса составляли не только отдельную социальную группу, но и служили как бы негативной моральной альтернативой аристократии. Последняя, являясь хранителем священных регалий рода и аккумулируя в своих руках значительную часть прибавочного продукта сородичей, который шел на устройство потлача, играла, разумеется, главенствующую роль на этой церемонии. Поэтому родовая знать была заинтересована в сохранении и поддержании потлачей, которые позволяли ей манипулировать материальным и символическим наследием предков и получать таким образом львиную долю престижа. По мнению С. А. Кана, в XIX в. происходило сложение отдельной «аристократической» системы обмена на потлачах, заключающейся во взаимном несинхронном одаривании особыми ценностями — рабами и медными пластинами (с. 251). На потлаче строго соблюдалась социальная иерархия в «порядке сидения», количестве и качестве подарков, в манере обращения и т. д. Маштабы потлача напрямую зависели от статуса и ранга покойного и его положения в сети родственных связей.

Очень подробно описывает автор все основные компоненты погребального цикла: кончину, при-

готовление к похоронам, сами похороны, следующие за ними поминки и, наконец, потлач, который устраивался обычно через год после похорон. Считалось, что только после этого покойный окончательно присоединяется к длинному ряду предков. Представители родов противоположной фратрии, которые осуществляли похороны, а затем получали пищу и подарки на потлаче, выступали как символические посредники между жизнью и смертью, живыми людьми и их предками, а зачастую и как олицетворение последних (с. 132—189). С. А. Кан отмечает, что характерные для потлача престижные моменты, связанные с открытой демонстрацией богатства, были не так свойственны похоронам и поминкам. Кроме того, в отличие от них на потлаче внимание присутствующих фокусировалось не столько на личности конкретного покойного, сколько на умерших предках в целом (с. 184). Пока предки почитаются, пока память о них жива, они бессмертны. В этом контексте автор особо остановился на ораторском искусстве тлинкитов.

В ходе проведения потлача нередко возникали конфликтные ситуации. Они были главным образом результатом соперничества родовой знати за более высокий ранг и престиж. Это соперничество проявлялось в состязании ораторов, ритуальном обжорстве, песенном или танцевальном соревновании и т. д., что могло приводить в конце концов к открытому столкновению между двумя группами гостей. Автор подчеркивает, однако, что дружеские и родственные чувства, стремление к сотрудничеству превалировали у тлинкитов над завистью и соперничеством в течение всех похоронных ритуалов. Уничтожение собственности из престижных соображений и агрессивная риторика на потлачах были гораздо менее свойственны тлинкитам, чем квакиутлам и другим индейцам Северо-Западного побережья Северной Америки (с. 234).

С. А. Кан справедливо подвергает критике трактовку потлача как экономического института и считает, что он не имел прямой экономической функции (с. 246). Не был он и средством обогащения вождей (об этом говорят сами индейцы). На потлаче происходила борьба не за материальное богатство, а за символический капитал — добрую репутацию, престиж, честь. Нельзя, правда, вовсе отрицать влияние этого социального института на индейское хозяйство. Потлач воздействовал на экономику косвенно, способствуя повышению активности людей на промысле, в торговле, а иногда и на войне. Полученный в результате прибавочный продукт перераспределялся затем среди гостей на потлаче в виде подарков, что обеспечивало престиж устроителей церемонии (с. 248). В то же время вряд ли оптимально и узкосоциальное определение потлача как механизма приобретения и поддержания статусов и рангов в индейском обществе. Тлинкитский потлач — это очень сложное культурно-социальное явление, в котором тесно переплелись религиозные и социально-престижные мотивы, этнофизиологические представления, эмоции, а также нашли отражение особенности хозяйства тлинкитов XIX в. С. А. Кан совершенно прав, указывая на проявление в потлаче диалектического единства оппозиций между древними нормами эгалитаризма и иерархией, сотрудничеством и соперничеством, жизнью и смертью, настоящим и прошлым, миром реальных людей и миром духов.

В заключительной главе монографии автор приводит сравнение погребальной практики и потлача тлинкитов с таковыми у других индейцев Северо-Западного побережья и внутриматериковых атапасков. По его мнению, наибольшее сходство в этом аспекте наблюдалось у тлинкитов с западными атапасками, несколько меньшее — с кайда и цимшиан. Наименьшие параллели прослеживались между потлачами тлинкитов и потлачами живших южнее цимшиан индейских групп (квакиутлей, нутка и др.). С. А. Кан отмечает, что анализ погребальных ритуалов тлинкитов и западных атапасков является еще одним доказательством их древнего родства (наряду с данными лингвистики и археологии) (с. 263). В сопоставлении с другими индейцами Северо-Западного побережья у тлинкитов покойные сородичи играли в культуре особо заметную роль, а погребальные обряды были наиболее разработаны и сложны (с. 283).

В заключение автор подводит наиболее существенные выводы своего исследования. Он, в частности, пишет, что социальная идентификация, власть и престиж в тлинкитском обществе настолько зависели от священного наследия предков (шагун), что воспроизводство социального статуса имело место только в контексте погребальных ритуалов. При этом родовая знать, выступая как «глашатай предков», принуждала своих сородичей выполнять свои требования не средствами прямого грубого насилия, а главным образом через «символическое принуждение» — различные формы ритуальных действий и норм. С. А. Кан считает даже, что погребальный комплекс превратился в своеобразную «идеологию» тлинкитской аристократии, с помощью которой она поддерживала свое высокое общественное положение. Автор полагает, что тлинкитский потлач в XIX в. выполнял полезную функцию, способствуя предотвращению внутренних конфликтов (которые переводились в ритуальную и риторическую плоскость), а также поддерживая духовный и социальный порядок в обществе, его стабильность и нормальное воспроизводство. Потлач имел и немаловажную эстетическую функцию, связанную с развитым ораторским искусством, танцами, песнями и демонстрацией превосходных объектов прикладного творчества. Изумительная живучесть потлача, несмотря на десятилетия евроамериканского культурного прессинга, подтверждает точку зрения С. А. Кана о том, что он был сердцевиной тлинкитской культуры. Практикующийся и поныне среди индейцев потлач, несомненно, содействует сохранению древнего духовного наследия их предков.

Подводя итоги, следует сказать, что в рецензии нашли отражение лишь самые общие аспекты исследования С. А. Кана. Читатель его монографии безусловно обратит внимание на богатый фактический материал, удачное использование сравнительных данных, логику теоретических выводов. В то же время, несмотря на явные достоинства рецензируемой книги, хотелось бы сделать некоторые частные замечания. Так, вызывает сомнение высказывание автора о том, что ряд экзотических объектов, не свойственных традиционной культуре тлинкитов, превратился в новые тотемы (например, парусник, запечатленный на «тотемном» столбе) (с. 65—75, 303, 315). На самом деле такие избра-

жения на резных столбах индейцев (далеко не все из них были тотемными) вовсе не являлись свидетельством их адаптации тем или иным тлинкитским родом в качестве тотемов. Достаточно вспомнить в связи с этим фигуру главного правителя Русской Америки А. А. Баранова (1791—1818 гг.), вырезанную на одном из столбов, что, однако, не превратило ее в родовой тотем³. Нельзя согласиться и с трактовкой особых медных пластин индейцев Северо-Западного побережья как тотемов (с. 241), ведь они передавались на потлачах в качестве дара в море, что, разумеется, не происходило с настоящими тотемами (см. с. 242—245, 334). Некоторым недостатком работы С. А. Кана являются довольно частые повторения; часть сносок, в которых содержится очень ценный материал, целесообразно было бы внести в основной текст монографии. Кроме того, автор, к сожалению, совершенно игнорировал упомянутые работы советских этнографов, посвященные потлачу.

Все эти замечания, однако, не умаляют значительного вклада С. А. Кана в изучение тлинкитов и других индейцев Северо-Западного побережья, равно как и в теорию «этнографии смерти». В настоящее время его монография по праву может считаться одной из лучших работ о тлинкитах и наиболее глубоким исследованием тлинкитского потлача и погребальных ритуалов.

А. В. Гринев

Примечания

¹ Swanton J. R. Social Conditions, Beliefs, and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // Bureau of American Ethnology Bulletin. № 26. Wash., 1908. P. 391—512; McClellan C. The Interrelation of Social Structure with Northern Tlingit Ceremonialism // Southwestern J. Anthropology. 1954. № 10. P. 75—96; Rosman A., Rubel P. G. Feasting with Mine Enemy: Rank and Exchange among Northwest Coast Societies. N. Y., 1971; Аверкиева Ю. П. К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан) // Амер. этногр. сб. Ин-та этнографии АН СССР. Т. LVIII. М., 1960. С. 5—126; *её же*. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 134—170; Дзенискевич Г. И. Роль тотемной символики в потлаче у тлинкитов // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 106—114; и т. д.

² Этой теме посвящена специальная статья С. А. Кана: Kan S. A. Words That Heal the Soul: Analysis of the Tlingit Potlach Oratory // Arctic Anthropology. 1983. № 20(2). P. 47—59.

³ См.: Wherry J. H. The Totem Pole Indians. N. Y., 1964. P. 8, 40.

© 1992 г., ЭО, № 1

G. T a s s o n i. Aspetti del Folklore Padano. Firenze, 1989. 198 p.

Рецензируемая книга посвящена народной культуре одного из известнейших с древности плодотворных и густо заселенных регионов Западной Европы. В Италии утвердилось его название Padania — от лат. Padanus, т. е. долина р. По (в античности Padus). Однако Падания — это не только и не столько географическое, сколько культурно-историческое понятие. В административном отношении она не является единым регионом, охватывая несколько провинций итальянских областей Ломбардии, Венето и Эмилии-Романьи. В этнической истории всех этих провинций было много общего, особенно со времени покорения их римлянами. В раннем средневековье романизованное население Паданской равнины подверглось завоеваниям остготов и лангобардов. Если остготы мало изменили этнический облик паданцев, то лангобарды оказали существенное влияние на формирование их обычаев, обрядов и диалектов.

Общая историческая судьба в античности и раннем средневековье привела к сложению у населения Паданской равнины близкой традиционной культуры, многие черты которой живы и в наши дни. К сожалению, их фиксация и исследование до недавнего времени носили в Италии весьма фрагментарный характер. Систематическим изучением почти всех сторон народной культуры Падании современная этнографическая наука обязана крупнейшему итальянскому ученому Джованни Тассони, профессору Веронского университета. Его труды составляют поистине corpus исследований традиций Паданской равнины.

Первыми печатными произведениями Тассони были сборники лирических новелл и стихов, вышедшие в свет в 1930-х годах.

Однако он увлекался не только поэзией; служа в государственных учреждениях Италии, Тассони одновременно изучал народную культуру Падании, особенно своей родной провинции Мантове. И хотя в дальнейшем Тассони отошел от литературного творчества, его поэтическая натура и эстетическое восприятие мира постоянно ощущаются во всех научных трудах ученого.

Тассони посвятил изучению паданской этнографии (для обозначения этой науки он, как и многие другие ученые страны, употребляет термин Folklore и Demologia) более полувека. К настоящему времени опубликовано шесть его монографий² и несколько десятков статей.

В основу рецензируемого труда ученого положены как письменные свидетельства разных эпох (античности, раннего и позднего средневековья, XIX в.), так и собственные многолетние полевые исследования автора в разных уголках Падании. Особое место среди источников занимают документы так называемой наполеоновской анкеты, которая заслуживает специального внимания.